

А.Е. Шерстобитов, А.Х. Ульбашев

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы учения о личных правах. В первой части проанализированы существующие подходы к понятию гражданско-правовой охраны нематериальных благ граждан, раскрыты фундаментальные вопросы учения о личных правах, показаны современные проблемы осуществления и защиты данной разновидности субъективных гражданских прав. Во второй части освещены проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования личных прав граждан в эпоху информатизации.

Ключевые слова: личные права; нематериальные блага; частная жизнь; осуществление и защита личных прав.

Введение

Принятие Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека [1], а также 16 декабря 1966 г. Международного пакта о гражданских и политических правах [2], вступившего в действие для СССР и для России в 1976 г., стало без преувеличения всемирным признанием особой ценности личных прав. В преамбуле Всеобщей декларации прав человека подчеркивается, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, поэтому создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено в ней как высокое стремление, а сами права человека должны охраняться властью закона. В Международном пакте о гражданских и политических правах эти идеи развиваются и дополняются требованиями обеспечения любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективных средств правовой защиты, установленных компетентными судебными, административными или законодательными властями, и развития возможности их судебной защиты. Ратификация Россией в 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в Риме 4 ноября 1950 г. [3], стала важным событием в развитии института личных прав и способствовала гармонизации и унификации национального и континентально-европейского регулирования в сфере осуществления и защиты личных прав.

В этом смысле очевидным является то, что личные права сами по себе, а также гарантии их реального осуществления определяют положение человека в обществе и государстве, а следовательно, сам уровень развития общества и признание государства подлинно демократическим и правовым.

Личные права в объективном смысле представляют собой комплексный правовой институт, включающий нормы различных отраслей права. Основу правового регулирования этих прав составляют нормы конституционного права, которые закрепляют в целом систему личных прав граждан, а также устанавливают правовые гарантии их реального осуществления (гл. 2 Конституции РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо

от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Нормы уголовного права направлены на борьбу с общественно опасными посягательствами на важнейшие личные права граждан, такие как право на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность, право на честь, достоинство и деловую репутацию (главы 16–20 УК РФ) и т.д. Нормы административного, семейного и других отраслей права, жилищного, экологического и иных отраслей законодательства определяют компетенцию государственных органов по регулированию личных прав, устанавливают границы вмешательства в личную сферу, что во многом позволяет определить пределы осуществления личных прав.

Особую роль в правовом регулировании и охране личных прав призваны сыграть нормы гражданского права. И.А. Покровский подчеркивал, что «чем далее, тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей». «Перед лицом современного правосознания общество, – подчеркивал выдающийся российский цивилист, – союз самоценных личностей, имеющих право на индивидуальность» [4. С. 122, 131].

Учитывая, что российское гражданское право представляет собой опорную отрасль частного права, регулирование личных прав нормами гражданского права непосредственно связано именно с охраной частной (личной) сферы отдельных лиц. Например, право на жизнь, достоинство личности, личную неприкосновенность можно выделить в конституционно-правовом смысле как провозглашение самих этих прав и установление общих гарантий их осуществления (ст. 20–22 Конституции РФ). Вместе с тем не вызывает никаких сомнений то, что указанные права можно также выделить в уголовно-правовом или в уголовно-процессуальном смысле, например, как объект защиты от преступлений против личности (Раздел VII УК РФ) либо как публично-правовую охрану этих прав в случае осуществления государством уголовного преследования против какого-либо лица (Раздел IV УПК РФ) и т.д. Подобным образом возможно также выделение данных прав в граждан-

ско-правовом аспекте, выражающемся, в частности, в существовании права на честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 152 ГК РФ), на неприкосновенность частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ) и т.д.

В последние годы в литературе по проблематике личных прав все больше внимания уделяется вопросам правовой охраны нематериальных благ в сети «Интернет». При этом указывается на повышение значения информации и информационных технологий в современном обществе.

В этом контексте нельзя не вспомнить о наличии известной связи между правом и уровнем развития производительных сил в обществе. «Закон бессилён навязать эпохе чуждые ей экономические отношения. Он лишь регистрирует их. Законодательство, по известному выражению К. Маркса, «лишь заносит в протокол требования экономических отношений» [5. С. 246]. Данный феномен хорошо объясняет справедливый рост интереса юридической науки к различным аспектам функционирования сети «Интернет» (в том числе с точки зрения гражданско-правовой перспективы).

Данная статья подготовлена в соавторстве: введение – А.Е. Шерстобитов, А.Х. Ульбашев, часть 1 – А.Е. Шерстобитов, часть 2 – А.Х. Ульбашев.

1. Личные права граждан: понятие и виды, особенности осуществления и защиты

Прежде всего необходимо определить место личных прав в системе гражданского права, поскольку это дает возможность выявить пределы их гражданско-правового регулирования. В теории были высказаны две точки зрения на гражданско-правовое регулирование личных прав. Долгое время господствующим являлось представление о том, что гражданское право не регулирует, а только охраняет эти права [6. С. 51–59]. Однако позже в литературе закрепляется иной подход: правовое регулирование и охрана прав не могут противопоставляться, поскольку регулирование означает охрану прав, а их охрана осуществляется путем регулирования соответствующих отношений [7. С. 205].

Вместе с тем в п. 1 ст. 2 ГК РФ в первоначальной редакции говорилось о том, что гражданское законодательство регулирует «другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников», а в п. 2 ст. 2 ГК РФ подчеркивалось, что неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. Такие формулировки дали основание вновь высказать мнение о том, что гражданское право не регулирует личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, а к предмету гражданского законодательства отнесены имущественные отношения и отношения неимущественные, но связанные с ними [8. С. 18–19]. Следует согласиться с мнением О.Н. Садикова о том, что терминологическое различие понятий «регулирует» и «защищает» является

непринципиальным, а только отражающим тот факт, что неотчуждаемые нематериальные блага регламентируются не столь полно и детально, как личные неимущественные права, связанные с имущественными [9. С. 9].

В целом в современной цивилистической литературе удаление из предмета гражданского права личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, рассматривается как малообоснованное [10. С. 7; 11. С. 17–18; 12. 4–27; 13. С. 23–39]. Прежде всего, с точки зрения теории права его охранительная функция является важнейшим атрибутом права, включающим и защиту прав [14. 191–193; 15. С. 47–59]. Ряд ученых-цивилистов также считают, что в рамки охраны или обеспечения в области регулирования субъективных прав и интересов включаются превенция, защита, ответственность и другие, применяемые отдельно или в сочетании [16. С. 20–21; 17. С. 21]. Следовательно, категория «охрана» в гражданском праве по своему объему гораздо шире понятия «защита» и полностью охватывает его. В связи с этим вряд ли имеется серьезное теоретическое обоснование для исключения отношений, защищаемых нормами определенной отрасли права, из ее предмета.

Результатом теоретических разработок в сфере личных неимущественных прав стало изменение формулировки п. 1 ст. 2 ГК РФ (Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ, новая формулировка введена в действие с 01.01.2008), согласно которой гражданское законодательство регулирует в том числе «другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Реформирование гражданского законодательства привело к отказу от деления личных неимущественных отношений, входящих в предмет гражданского права, на связанные и не связанные с имущественными. Таким образом, в настоящее время любые личные неимущественные отношения входят в предмет гражданского права, если они основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

Далее пределы гражданско-правового регулирования личных прав также предопределяются особенностями правового режима нематериальных благ. Подавляющее большинство нематериальных благ, согласно ст. 128 ГК РФ, рассматривается в качестве одного из видов объектов гражданских правоотношений. В пункте 1 ст. 150 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ) устанавливается, что жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Важно отметить, что неотчуждаемость и непередаваемость иным способом нематериальных благ не должна пониматься как полная «неотделимость от личности названных благ», на

что справедливо указывалось Е.А. Флейшиц [18. С. 94–95]. Следовательно, нематериальные блага как объекты гражданских правоотношений являются оборотоспособными. В связи с изменениями, внесенными в ГК РФ в ходе реформирования гражданского законодательства, правовой режим нематериальных благ и результатов интеллектуальной деятельности, а также приравненных к ним средств индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ) был значительно сближен. Согласно п. 4 ст. 129 ГК РФ, которая была дополнена п. 4 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации также не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому. Однако права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, установленных ГК РФ.

В отличие от указанных результатов и средств, права на которые могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, установленных ГК РФ, в ст. 150 ГК РФ относительно прав на нематериальные блага подобных положений нет. Однако не вызывает сомнения, что в целом ряде случаев личные права, объектом которых выступают нематериальные блага, могут быть использованы в гражданском обороте (например, п. 1 ст. 152.1 и п. 1 ст. 152.2 ГК РФ). Такое использование по общему правилу допускается только с согласия гражданина, т.е. по договору с ним. Учитывая это, можно сделать вывод, что некоторые личные права, объектом которых выступают нематериальные блага, являются оборотоспособными и могут выступать в качестве объекта своеобразных «лицензионных» соглашений в пределах, прямо установленных законом.

Личные права в субъективном смысле представляют собой урегулированные нормами права связи между определенными участниками гражданско-правовых отношений по поводу нематериальных благ [19. С. 9–20]. Следовательно, личные права в гражданском праве – это субъективные права граждан, возникающие вследствие регулирования нормами гражданского права личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Личные права существуют как субъективные права и регулируются гражданским правом независимо от их нарушения, поэтому представление о том, что гражданское право может лишь защищать их, но не в состоянии регулировать данные отношения, является несостоятельным.

Наконец, пределы гражданско-правового регулирования личных прав, безусловно, зависят от особенностей субъектного состава. Следует иметь в виду, что эти права могут принадлежать только гражданам. Действительно, юридическое лицо является искусственным субъектом права, поэтому не может иметь личные права. Ведь конструкция юридического лица предназначена для уменьшения риска имущественных

потерь для его учредителей (участников) путем переложения возможной ответственности за результаты своей деятельности на созданного ими нового субъекта права – юридическое лицо и ограничения этой ответственности имеющимся у него имуществом [20. С. 11–12]. Учитывая это, ни одна теория сущности юридического лица не в состоянии объяснить существование его личных прав ввиду отсутствия у юридического лица собственной личной сферы.

И.А. Покровский, придерживавшийся реалистической теории сущности юридического лица, подчеркивал, что юридическое лицо «...не есть что-то мертвое и безжизненное; оно является, напротив, некоторой живой клеточкой социального организма. Эту жизненность, активность придает ему, как и физическому лицу, воля – воля корпорации или воля учредителя, продолжающая одушевлять созданное им учреждение» [4. С. 157]. Автор предлагал обратить внимание на то, что чем далее, тем более «живой личный элемент» будет сказываться и ассоциировал его с правом на имя юридического лица и даже его правом на честь [Там же. С. 158]. Однако объяснял он это не наличием у юридического лица собственной личной сферы, а тем, что репутация союза «...отраженно падает на репутацию отдельных его членов, и уважение к личности этих последних требует ограждения производной личности юридического лица» [Там же. С. 158–159].

Вот почему деловая репутация юридического лица представляет собой одно из его качеств (свойств), не имманентно присущее ему в связи с созданием или в силу закона, а складывающееся в процессе и результате его участия в гражданском, прежде всего, в предпринимательском обороте, поэтому защищается по правилам, применяемым соответственно к защите деловой репутации гражданина за исключением положений о компенсации морального вреда (п. 11 ст. 152 ГК РФ). Таким образом, вряд ли можно обоснованно утверждать применительно к юридическому лицу о праве на деловую репутацию как о его личном праве. Ссылки на наличие у юридического лица воли и интереса, безусловно, способны объяснить его самостоятельное участие в обороте, поскольку оно для этого и создано, но совершенно не в состоянии обосновать обладание юридическим лицом личными правами.

Давая характеристику правовой природе личных прав, необходимо подчеркнуть, что это права неимущественные, никоим образом не связанные с имущественными правами. Закрепленный п. 1 ст. 150 ГК РФ перечень неимущественных благ как объектов гражданских прав с очевидностью свидетельствует об этом. Важно иметь в виду, что указанный перечень не является исчерпывающим, поэтому объектами гражданских прав могут быть и иные нематериальные блага, лишь бы они принадлежали гражданину от рождения или в силу закона.

Суть гражданско-правовой охраны личной жизни состоит в обеспечении свободы гражданина определять поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, что исключает вмешательство в его личную жизнь со стороны других лиц, в том

числе государства, кроме случаев, прямо предусмотренных законом.

В связи с этим по своему характеру личные права являются правами абсолютными [21. С. 107]. Следовательно, управомоченному лицу противостоит неопределенный круг лиц, обязанных воздерживаться от каких бы то ни было нарушений личных прав граждан.

Управомоченное лицо осуществляет принадлежащие ему личные права своими фактическими действиями (например, создает представление у окружающих о собственной репутации или определяет свой внешний облик) вне рамок права. В связи с этим для личных прав характерно наличие двух правомочий: во-первых, возможности управомоченного лица требовать от неопределенного круга обязанных лиц воздерживаться от нарушения его права и, во-вторых, возможности прибегнуть в случае нарушения его права к установленным законом мерам защиты.

Таким образом, личные права в гражданском праве представляют собой самостоятельный вид субъективных прав. Они выполняют роль правового средства обеспечения личной (индивидуальной) сферы гражданина от постороннего вмешательства.

Личные права, охраняемые гражданским правом, должны отвечать определенным критериям, к которым относятся: во-первых, индивидуально-личностная направленность этих прав [22. С. 26] и, во-вторых, возможность их восстановления или устранения нарушения данных прав на будущее время.

Индивидуально-личностная направленность рассматриваемых прав позволяет определить их основу в гражданской правоспособности (ст. 18 ГК). Поскольку рассматриваемые личные права индивидуализируют в различных аспектах личность гражданина, имеют все основания отнести их к правам, возможность иметь которые входит в содержание правоспособности граждан.

Возможность восстановления личных неимущественных прав или устранения их нарушения на будущее время прямо связана с компенсаторно-восстановительной функцией гражданско-правовых средств защиты как одной из важнейших характеристик метода гражданско-правового регулирования. Указанным обстоятельством во многом определяются общие пределы регулирования личных неимущественных прав нормами гражданского права: если гражданское право не в состоянии защитить те или иные личные неимущественные права, то и их регулирование в его рамках теряет всякий смысл. Такого рода отношения должны регулироваться с помощью других отраслей права. Не случайно поэтому неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством лишь постольку, поскольку иное не вытекает из существа этих нематериальных благ (п. 2 ст. 2 ГК РФ).

Рассмотренные ранее общие признаки личных прав не препятствуют, однако, их дифференциации, учитывающей в рамках общей категории данных прав их видовые особенности. Так, по структурно-функциональному признаку личные права в гражданском праве могут быть классифицированы на личные

права, обеспечивающие физическое существование гражданина (физического лица), в том числе право на жизнь, право на здоровье, право на благоприятную окружающую среду, право на свободу и личную неприкосновенность; и личные права, обеспечивающие социальное существование гражданина (физического лица), включая право на имя, право авторства [23. С. 280–293], право на честь, достоинство и деловую репутацию, право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства [12. С. 53–76].

По целям осуществления рассматриваемых прав они могут быть подразделены на: личные права, обеспечивающие физическое и психическое благополучие (целостность) личности, в том числе право на жизнь, право на здоровье, право на физическую и психическую неприкосновенность, право на благоприятную окружающую среду; личные права, обеспечивающие индивидуализацию личности в обществе, включая право на имя, право на индивидуальный облик и голос, право на честь, достоинство и деловую репутацию; личные права, обеспечивающие автономию личности (права на неприкосновенность и тайну частной жизни); личные права, обеспечивающие охрану результатов интеллектуальной деятельности [13. С. 21–22].

Исходя из целей правового регулирования, определяющих предметную принадлежность личных прав гражданскому праву, представляется возможным предложить следующую их классификацию: во-первых, права, направленные на индивидуализацию личности управомоченного лица, включая право на имя (ст. 19 ГК РФ), право на защиту чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), право на опровержение и право на ответ (п. 2 и 3 ст. 152 ГК РФ и ст. 43–46 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [24]); во-вторых, права, направленные на обеспечение личной неприкосновенности граждан, в том числе право на телесную неприкосновенность и охрану жизни и здоровья, право на неприкосновенность внешнего облика, право на личное изображение (ст. 152.1 ГК РФ); в-третьих, права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны частной жизни граждан, в частности право на неприкосновенность жилища, личной документации, право на тайну частной жизни, в том числе адвокатскую, медицинскую тайну, тайну совершения нотариальных и следственных действий, вкладов в банки и иные кредитные организации, личного общения, сведений, полученных средствами массовой информации (ст. 152.2 ГК РФ).

Субъект личного права осуществляет его на основе тех же принципов, что и обладатель иных прав абсолютного характера. Управомоченное лицо в пределах, установленных законом, по своему усмотрению использует личные блага. Обязанные лица, круг которых заранее не определен, должны воздерживаться от нарушения соответствующего личного права (например, от вторжения в личную жизнь гражданина).

Пределы осуществления личных прав определяются законом. Общие пределы устанавливаются ст. 9 и 10 ГК РФ. В то же время закон при определении

границ осуществления конкретных личных прав регламентирует не пределы возможного поведения управомоченного лица, а устанавливает границы вмешательства посторонних лиц в его личную сферу. Так, не допускается использование средств массовой информации для вмешательства в частную жизнь граждан, посягательства на их честь и достоинство.

В тех же случаях, когда закон регулирует и рамки возможного поведения управомоченного лица при осуществлении им личного права, они определяются в отдельных случаях также и нормами морали. Например, неприкосновенность внешнего облика гражданина будет защищаться от любых вмешательств со стороны третьих лиц, кроме случаев, когда его внешний облик нарушает требования законодательства или противоречит моральным нормам, действующим в обществе.

Ряд таких прав носит строго личный характер и потому не может осуществляться через представителя. Указанные права прекращаются со смертью гражданина и не могут передаваться по наследству.

На требования, вытекающие из нарушения личных прав, кроме случаев, предусмотренных законом, не распространяется исковая давность (ст. 208 ГК).

Личные права, как и иные права абсолютного характера, регулируемые нормами гражданского права, существуют независимо от их нарушения. При нарушении этих прав между управомоченным лицом и правонарушителем возникают относительные правоотношения охранительного характера. Порождающим их юридическим фактом является правонарушение.

Ввиду того что рассматриваемые права возникают по поводу нематериальных благ, они защищаются в основном способами, не имеющими целью восстановления нарушенной имущественной сферы потерпевшего лица. Вместе с тем если нарушением личных нематериальных прав гражданину нанесен имущественный ущерб, то применяются нормы гражданского права, регулирующие ответственность за причинение вреда (гл. 59 ГК РФ) [25. С. 51–52].

Согласно ст. 12 ГК РФ такими способами являются: признание этих прав; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих условия его нарушения; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; прекращение или изменение правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, а также иные способы, предусмотренные законом, например, опровержение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина.

Характерной особенностью перечисленных способов защиты личных нематериальных прав является то, что они применяются к правонарушителю независимо от его вины.

В литературе с учетом особенностей личных нематериальных прав предлагалось закрепить в законе иные способы защиты этих прав, направленные как на предупреждение их нарушения, так и на эффективную защиту уже нарушенных личных нематериальных прав [19. С. 21–31, 95–102].

В настоящее время в п. 2 ст. 150 ГК РФ специально указывается, что нематериальные блага защищаются в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Кроме того, в случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на соответствующее нематериальное благо [26. С. 164].

В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами (например, ч. 2 п. 1 ст. 152, п. 5 ст. 152.2 ГК РФ).

Наконец, в связи с нарушением личных прав потерпевший вправе требовать возмещения морального вреда (ст. 151, п. 5 ст. 152, 1099 – 1101, 1101, п. 1 ст. 1251 ГК РФ). За нарушение отдельных личных прав компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины (например, если вред причинен распространением сведений, порочащих честь и достоинство гражданина).

Компенсация морального вреда осуществляется согласно ст. 151 и 1101 ГК РФ в денежной форме [27]. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических или нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда, и с учетом требований разумности и справедливости. В этой связи представляется не вполне понятным замечание Л.Ю. Михеевой о том, что дальнейшее развитие института нематериальных благ ставит перед наукой вопрос «...о возможности использования компенсации морального вреда в имущественных отношениях». Считая такую возможность анахронизмом, автор ссылается на включение правил о возмещении морального вреда в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей». Но указанный закон не регулирует ни правовой режим нематериальных благ, ни какие-либо личные права, ни какие бы то ни было возможности использования компенсации морального вреда в имущественных отношениях в связи с дальнейшим развитием института нематериальных благ, а других примеров, к сожалению, в работе Л.Ю. Михеевой не приводится [26. С. 166].

2. Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования личных прав граждан в эпоху информатизации

Общество не может оставаться неизменным. Масштабные социальные трансформации знаменуют из-

менения и в отдельном человеке. Закономерно возникает вопрос об эффективности классического гражданско-правового инструментария, в особенности частноправового института личных прав, имеющего более чем двухвековую историю, для целей защиты интересов личности в современных условиях, включая интернет-пространство.

Предпосылкой для подобной постановки вопроса может служить следующая логика: если за прошедшие столетия изменился сам человек, то, вероятно, подлежат ревизии (пересмотру) и нормы, призванные охранять личность человека в обществе. Из этой методологической установки нередко исходят представители науки «информационного права», говорящие о переходе «к информационному обществу, обладающему новой структурой, в которой решающую роль играют отрасли, связанные с получением, распространением и обработкой информации» [28. С. 9; 29. Р. 20; 30.].

Разумеется, было бы неправильно преувеличивать характер изменений в человеческом обществе и конкретном человеке. За минувшие два столетия человек как *homo sapiens* изменился мало. В этом смысле для него по-прежнему представляют безусловную ценность такие нематериальные блага, как жизнь, здоровье, достоинство личности и т.д. Следовательно, нормы, закрепляющие правовую охрану этих благ, действуют по тому же принципу, что и в далеком прошлом.

В то же время развитие общества характеризуется таким сложным и всеохватывающим процессом, как информатизация. Становится *communis opinio* достоянием утверждение, что «труд и капитал, характерные для промышленного общества, заменяются здесь информацией и знанием как главными ценностями» [30. С. 109]. В известной степени в русле этих идей рассуждает и российский законодатель, относящий к одним из стратегических задач так называемую цифровизацию экономики [31].

Общество в развитых странах мира представляет собой своеобразное поле информационного обмена, в условиях которого каждый конкретный человек, с одной стороны, стремится максимизировать собственный объем знаний (не только профессиональных, но и личных, житейских и т.п.), с другой стороны, пытается всячески защитить имеющиеся у него знания, а также ограничить информацию о себе, своей личной жизни и так далее от несанкционированного доступа третьих лиц. Считается, что в этих условиях рождается «новый» человек, «человек информационный» (*homo informaticus*) [32. Р. 475–506].

Однако социальные науки все еще далеки от ясного понимания феномена информационного общества и места человека в обществе. В этом смысле показательным утверждением российского социолога Р.Х. Симоняна: «Глобализация привнесла в качестве нового фактора такой мощный социопсихологический феномен, как эффект сравнения, в силу невиданных прежде возможностей глобальной коммуникации, доступа к небывалому объему информации (курсив наш. – А.У.). Нищета на одном полюсе и вызывающее богатство – на другом, характерное для современного

мира, является постояннодействующим генератором, вырабатывающим агрессивную нетерпимость» [33. С. 19]. По сути, автор видит прежде всего в информационной открытости одну из причин генерирования «агрессивной нетерпимости» в обществе.

Однако юриспруденция и в первую очередь гражданское право не могут довольствоваться такими нигилистическими умозаключениями. Ежедневно сталкиваясь с насущными проблемами усложнения гражданского оборота и хозяйственной практики, цивилистическая доктрина вынуждена искать пути построения эффективной системы правового регулирования, адекватно отвечающей потребностям изменчивого времени.

Информация *per se* не является нематериальным благом, а стало быть, не требует автоматической защиты нормами института личных прав. В литературе встречаются и противоположные утверждения, но широкой поддержки они не нашли [34. С. 62–64]. Вместе с тем нормы смежных отраслей права, регулирующие оборот информации, оказывают прямое воздействие на правовую охрану нематериальных благ граждан.

Как показывает опыт, высказываемые опасения, связанные с «доступом к небывалому объему информации», приводят законодателей в многих странах мира к мысли о необходимости ограничить информационную свободу пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». «Пионером» в данном вопросе является Китай, который еще в 1980-х гг. провозгласил курс на автономизацию национального интернет-пространства (отделению китайского сегмента от глобальной (мировой) сети). Идеологическую основу данной политики выразил лидер Коммунистической партии Китая Дэн Сяопин: «Если открыть окна, со свежим воздухом прилетят и мухи» [35. Р. 195]. Желая оградить общество от «мух», китайское правительство воздвигло так называемую великую огненную стену, включающую систему ограничения для населения доступа к зарубежным интернет-ресурсам, контроля за интернет-трафиком и цензурирования материалов в сети.

Сложно сказать, что китайская модель регулирования интернет-пространства доказала свою эффективность и может быть заимствована. Во-первых, она мало соответствует требованиям конституционной свободы информации, признаваемой большинством цивилизованных (демократических) правовых порядков. Более того, в соответствии с позицией Европейского Суда по правам человека, высказанной по делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции», возможность пользоваться сетью «Интернет» является нематериальным благом и охраняется в качестве личного права гражданина [36. С. 19].

Во-вторых, весьма показательно, что значительные финансовые затраты на создание и обслуживание «великой огненной стены» не обеспечили достижение поставленной цели – напротив, развитие информационных технологий позволяет гражданам без труда обходить «стену».

Уроки построения «великой огненной стены» в Китае особенно интересны для современной России, в

которой также высказываются инициативы (в том числе на законодательном уровне) по созданию «суверенного Интернета», а также усилению государственного контроля за интернетом-пространством. Авторы таких инициатив говорят о необходимости защиты публичных интересов. Так, в пояснительной записке к законопроекту № 606594-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” сказано, что действующее правовое регулирование необходимо дополнить статьями, «предусматривающей возможность принятия мер по ограничению доступа к информации (материалам), предназначенной (предназначенной) для неограниченного круга лиц, выражающей (выражающих) в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции РФ и органам, осуществляющим государственную власть в РФ».

Между тем эта законодательная инициатива, на первый взгляд, развивающая римско-правовой принцип о недопустимости «оскорбления словом» (*injuria verbalis*), в действительности не учитывает, что в данной сфере уже сложилось достаточно полное и самостоятельное регулирование. Предлагаемые новеллы создают искусственную и нежелательную конкуренцию закона, возникающую в результате конструирования избыточных правовых норм для специальных случаев «выражения в неприличной форме явного неуважения к обществу и государству». Возникают вопросы: почему указываемые в законопроекте действия не могут быть квалифицированы по правилам ст. 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство»), а также ст. 152 ГК РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации»)? Чем обоснована необходимость принятия нового закона?

Приведенный пример наглядно иллюстрирует ситуацию, в которой оказался современный российский законодатель: сталкиваясь с новыми по форме отношениями, возникающими в сети «Интернет», он нередко придает им и новую квалификацию, «забывая» об уже существующих нормах, не обосновывая недостаточность и неприменимость «старых» норм к «новым» отношениям. Данное упущение законодательной работы неизбежно ведет к инфляции законодательства и возникновению коллизий.

В этой связи нельзя не вспомнить слова Г.Ф. Шершеневича, высказанные более века назад: «Процесс правообразования заключается именно в постепенной [и] все большей дифференциации права в среде правил общежития, в дифференциации, происходящей внутри права, и в интеграции норм права, которая выражается в том, что, несмотря на постоянное возрастание числа норм права, происходит соединение и координирование их в институты» [37. С. 508]. Таким образом, дифференциация норм права, их постоянное уточнение и развитие должны быть скоординированными и обеспечивать единство классических правовых институтов, а не приводить к их дроблению.

Допускаемые законодателем упущения нередко устраняются правоприменителем. Так, в 2000-е гг. в практике российских судов возник вопрос о правовой

квалификации репоста, т.е. копирования одним пользователем информационного материала (поста) другого пользователя и размещения этого материала в своем аккаунте. Рассматривая диффамационный иск, основанный на репосте, Мосгорсуд указал, что репост представляет собой цитирование, в связи с чем к спорным отношениям были применены соответствующие нормы гражданского законодательства о цитировании (Апелляционное определение Московского городского суда от 12.10.2018 по делу № 33-44177/2018). Данную позицию в последнее время поддержал и Верховный Суд РФ.

Аналогичным образом Суд по интеллектуальным правам РФ поставил знак равенства между никнеймами и псевдонимами, тем самым допустив применение к никнейму, т.е. вымышленному имени интернет-пользователя, гражданско-правовых норм о псевдониме (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.01.2019 № С01-940/2018 по делу № А60-48002/2017).

Подобные примеры показывают, что многие, на первый взгляд, «новые» явления материального мира в действительности хорошо известны практике, хотя и «замаскированы» в несколько обновленную форму. Следовательно, регулирование общественных отношений, возникающих по поводу подобных «новых» объектов прав, в большинстве случаев может быть обеспечено классическими правовыми нормами и конструкциями.

Позитивный опыт накоплен и самим законодателем. Так, наиболее значимые новеллы гл. 8 ГК РФ («Нематериальные блага и их защита») касаются осуществления и защиты личных прав в сети «Интернет». Детальный анализ этих новелл позволяет прийти к выводу, что законодатель обоснованно отказался от взгляда на сеть «Интернет» как на качественно «новый» объект правового регулирования и потому требующий принятия специального законодательства, как еще сравнительно недавно предлагалось в литературе [38. С. 13; 39. С. 17–21].

Реформа гражданского законодательства изначально была построена на логике, что информационные технологии изменили лишь техническую сторону осуществления и защиты традиционных личных прав, причем не повлияв на существенные характеристики нематериальных благ. Именно такую позицию сегодня занимают Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, видя в сети «Интернет» особое место (площадку) реализации гражданских прав и обязанностей, хотя и имеющее свою специфику, но в целом подпадающее под действие общих норм гражданского законодательства [40; 41; 42. С. 11–14].

В свою очередь, перед законодателем встала задача по адаптации классических гражданско-правовых норм к техническим условиям и особенностям осуществления прав и несения обязанностей в сети «Интернет». И надо признать, что в рамках реформы 2013 г. поставленная задача была решена вполне успешно.

В этом смысле представляет интерес эволюция гражданско-правовых норм об опровержении сведе-

ний, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Как известно, соответствующие нормы были хорошо известны еще советскому законодательству и появились задолго до распространения интернет-технологий [43. С. 58–72]. В прошлом опровержение считалось едва ли не единственным способом защиты личных прав при опубликовании в СМИ порочащих сведений (в частности, когда речь шла о печатных изданиях). Однако уже в эпоху Интернета стало ясно, что существует и другой, причем более эффективный способ защиты личных прав, а именно удаление спорных материалов с сайта.

До легального признания данного способа защиты на уровне законодательства суды стали приходить к выводу, что «требование [удалить материал с сайта] не является новым или самостоятельным способом защиты нарушенного права, а является составляющим основного требования об опровержении порочащих сведений, направленным на создание условий для фактической реализации данного способа защиты в рамках заявленного предмета иска и обусловлено объективными технологическими особенностями такого средства размещения и передачи информации, как сеть “Интернет” (Постановление ФАС Московского округа от 28.02.2007 № КГ-А40/1170-07 по делу № А40-17493/2006). Иными словами, требование об удалении материалов с интернет-сайта рассматривалось в качестве факультативного элемента основного требования об опровержении.

В последующем законодатель пошел несколько дальше и прямо признал удаление спорных материалов самостоятельным способом защиты личных прав. Так, Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ ст. 152 ГК РФ была дополнена п. 5, согласно которому в случае распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, данное лицо вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет».

Также в п. 3 ст. 152.1 ГК РФ закреплено право за гражданином, пострадавшим от противоправных действий третьих лиц по распространению в сети «Интернет» его изображения, требовать удаления данного материала.

По большому счету, удаление спорного материала и опровержение преследуют единую цель – восстановление нарушенных прав гражданина. В силу этого на практике указанные требования заявляются в иске в качестве единого и неразрывного материально-правового требования.

Причем не вполне обоснованным является утверждение, что удаление спорного материала является абсолютно новым способом защиты. Следует напомнить, что не только отечественному, но и зарубежному праву еще с XIX в. известен такой способ защиты чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений, как изъятие тиража издания с последующим уничтожением. Этот способ защиты очень скоро утратил свое значение на практике, поскольку в большинстве случаев весь тираж из-

дания (газеты, журнала и т.д.) реализовывался еще до принятия судебного решения по делу, а потому удовлетворение возможного иска об изъятии тиража оказывалось фактически неисполнимым. В этой связи заинтересованные лица ограничивались требованием об опубликовании опровержения.

Между тем в случаях, когда речь идет о нарушении личных прав в связи с опубликованием порочащих сведений в сети «Интернет», удаление этих сведений оказывается значительно более эффективным.

При этом можно заметить, что удаление информационного материала с интернет-сайта и изъятие тиража печатного издания с его последующим уничтожением имеют схожую правовую природу и предназначение, так как преследуют цель по недопущению распространения недостоверных сведений или сведений, полученных неправомерным способом, среди неопределенного круга лиц (читателей, пользователей и так далее).

Последний пример еще раз доказывает, что регулирование отношений в сети «Интернет» в части регламентации осуществления и защиты личных прав в целом укладывается в «прокрустово ложе» традиционных гражданско-правовых норм и не требует изобретения «нового» регулирования с самостоятельными способами защиты прав и т.д.

Несколько отличным по содержанию является «право на забвение» (*right to be forgotten*), впервые сформулированное в решении Европейского Суда по делу *Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González*, а впоследствии закрепленное и в ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [44]. Согласно указанной норме оператор поисковой системы по требованию гражданина (физического лица) обязан прекратить выдачу ссылок на страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации.

В континентально-европейских системах аналогом «права на забвение» является *le droit à l'oubli*, а именно право осужденного, отбывшего срок наказания и впоследствии реабилитированного, требовать удаления сведений в открытых источниках о ходе следствия, судебном разбирательстве, иных материалах дела (*Ferenczi T. Devoir de mémoire, droit à l'oubli? Bruxelles: Interventions, 2002*).

Забвение основных постулатов цивилистического учения о личных правах приводит к «возрождению» в отечественном правоведении дискуссий, уже давно и беспартийно разрешенных в зарубежных правовых порядках. Так, в литературе практически с нуля обсуждается вопрос о возможности признания нематериальными благами персональные данные [45. С. 52–68.], хотя утвердительный ответ на указанный вопрос еще в прошлом веке стал общепризнанным в романогерманских правовых порядках, к которым себя исторически относит и Россия. Вопрос о правовой природе персональных данных приобрел особенную остроту в контексте череды судебных разбирательств, касающихся агрегаторов персональных данных (дело по

блокировке интернет-сайта LinkedIn (Определение Московского городского суда от 10.11.2016 по делу № 33-38783/2016.).

Понятие персональных данных в том смысле, в котором их определяет российский законодатель в ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [46], включает любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу. Иными словами, персональные данные есть средство индивидуализации личности в обществе (в состав персональных данных входит и такое классическое нематериальное благо, как имя), что не оставляет сомнений в обоснованности и верности устоявшейся квалификации персональных данных в качестве нематериальных благ, т.е. объектов личных прав.

При этом попытки «пересмотреть» или, по крайней мере, поставить под сомнение классический частноправовой подход по признанию персональных данных нематериальными благами приводит исследователей к еще более противоречивым выводам не только о возможности, но и «назревшей» необходимости признания этих объектов гражданских прав оборотоспособными, придания им товарной формы и «включения» в гражданский оборот. Утверждается, что такое законодательное решение позволит создать «цивилизованное поле» для оборота персональных данных [47. С. 481–542].

Однако такие революционные предложения не могут не встречать объективных возражений. Рассуждая от обратного, допустим, что законодатель признал нематериальные блага (пусть и определенную их часть – персональные данные) отчуждаемыми и свободно передаваемыми третьим лицам. В этом случае необходимо разрешить вопрос, какие правовые последствия возникнут для лица, осуществившего, например, «отчуждение» своего имени? Следует ли из этого, что гражданин тем самым становится «безымянным», а стало быть, лишается всякой правовой связи со своей личностью?

Можно предположить, что в ответ сторонники признания оборотоспособности нематериальных благ могут предложить концепцию, близкую трасту, предусматривающую «расщепление» правомочий, согласно которой при «отчуждении» нематериальных благ будет происходить «передача» не всех правомочий, а лишь их части. Неслучайно апологеты этой идеи часто апеллируют к англо-американскому опыту. Но здесь нужно обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, в странах общего права в принципе не существует классического института личных прав в том виде, в котором он сформировался и получил развитие в странах континентальной Европы. При этом российский законодатель последовательно развивает именно романо-германские подходы к регламентации личных прав, в связи с чем не вполне обоснованы такие «метания» от континентально-европейского к англо-американскому полюсу правотворчества. Более того, прогрессивный опыт правовой охраны нематериальных благ, накопленный в странах континентальной Европы, показывает, что институт личных прав несколько не «тормозит» экономическое развитие в

этих правовых порядках. Стоит напомнить, что на неотчуждаемый характер личных прав в своей практике систематически указывает и Европейский Суд по правам человека (Ламбер и другие (Lambert and Others) против Франции (жалоба № 46043/14)) [48].

Во-вторых, в самих странах общего права наблюдается тренд, схожий с европейским: правовой порядок неуклонно расширяет охрану немущественных интересов личности, приватности человека (privacy) под влиянием доктрины прав человека; более того, при «столкновении» (коллизии) имущественных и личных прав предпочтение всегда отдается последним как правам более высокого порядка. В этой связи инициатива по полному отказу от немущественной концепции личных прав кажется, мягко говоря, несвоевременной и даже противоречащей передовому опыту зарубежных стран.

Нужно понимать, что подобные весьма категорические, точнее сказать, радикальные предложения по ревизии базовых категорий института личных прав имеют социальные предпосылки. Бурное развитие информационных технологий, стремительное расширение Интернет-аудитории, появление новых форм взаимодействия людей изначально породили проблемность правового регулирования – сам законодатель долгое время не спешил однозначно определить квалификацию этих отношений.

Значимую «лепту» внесли противоречивые судебные решения, зачастую «выводившие» интернет-отношения из сферы гражданско-правового регулирования (например, автоматически исключавшие возможность удовлетворения диффамационных исков по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, если недостоверные сведения распространялись в сети «Интернет») [49. С. 457–475].

В конечном счете молчание законодателя и «казусы» правоприменения и привели к двусмысленным интерпретациям, в известной мере сохраняющимся до последнего времени. При этом не подлежит сомнению, что современные информационные технологии и в частности Интернет стали важным триггером в деле совершенствования гражданского законодательства, включая частноправовой институт личных прав.

Реформа гражданского законодательства 2013 г. подтвердила верность отечественного правового порядка традициям и принципам континентально-европейского права [26. 183–194]. Информатизация, став важнейшей характеристикой развития современного общества, не отменила основополагающих принципов всякого цивилизованного общества – примат прав человека и неприкосновенность человеческой личности, лежащих в основе частноправового института прав человека. В этой связи нет никакой необходимости ломать «до основания» классические нормы института личных прав, чтобы затем строить «новый», причем не до конца ясно, какой именно, правовой институт.

Сегодня перед законодателем, судами и юридической доктриной стоит единая задача – совершенствование частноправового регулирования отношений в сети «Интернет» (главным образом в части осуществления и защиты личных прав) при неуклонном выполнении условия о сохранении преемственности правового развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека // Права человека : сб. междунар. договоров. Т. 1: Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк ; Женева, 2002. С. 1–11.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека : сб. междунар. договоров. Т. 1: Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк ; Женева, 2002. С. 27–55.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (серия «Классика российской цивилистики»). 4 изд. М. : Статут, 2003. 351 с.
5. Вольфсон С.Я. Диалектический материализм: курс лекций, читанных на факультете общественных наук Белорусского государственного университета. 6-е изд., испр. Минск : Гос. изд-во Белоруссии, 1926. 379 с.
6. Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 51–59.
7. Развитие советского гражданского права на современном этапе / авт. кол.: Н.С. Малеин, В.П. Мозолин, И.П. Прокопченко [и др.]; утв. ред. В.П. Мозолин. М. : Наука, 1986. 269 с.
8. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, В.П. Звекон [и др.]; рук. авт. кол. М.И. Брагинский; под общ. ред. В.Д. Карповича. М. : Фонд «Правовая культура», 1995. 479 с.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой: Постатейный / авт. кол.: Г.Е. Авилов, В.В. Безбах, М.И. Брагинский и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садилов. 3-е изд., испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики. М. : Контракт ; Инфра-М, 2005. 1062 с.
10. Гражданское право : учеб. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого: в 3 т. 6-е изд. М., 2002. Т. 1. С. 7.
11. Дозорцев В.А. Тенденции развития российского гражданского права при переходе к рыночной экономике // Гражданское законодательство Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы : международная науч.-практ. конф. Концепция гражданского законодательства Российской Федерации и тезисы докладов. М. : Изд-во Ин-та законодательства и сравн. правоведения, 1994. С. 17–24.
12. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 435 с.
13. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М. : МЗ ПРЕСС, 2000. 224 с.
14. Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. I. 361 с.
15. Мезрин Б.Н. Состав механизма охраны прав граждан // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1977. Вып. 53. С. 47–59.
16. Ойгензихт В.А. Формы обеспечения интересов субъектов гражданских правоотношений // Осуществление и защита гражданских и трудовых прав : сб. науч. тр. Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1989. С. 17–22.
17. Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. 168 с.
18. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2015. Т. I. 510 с.
19. Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан. М. : Юрид. лит., 1990. 174 с.
20. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. 456 с.
21. Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2. С. 269–312. (Сер. Классика российской цивилистики).
22. Егоров Н.Д. Личные неимущественные права и их защита // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав : сб. науч. тр. Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1988. С. 25–32.
23. Дозорцев В.А. Творческий результат: система правообладателей // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. М. : Статут, 2003. 416 с.
24. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
25. Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М. : Юрид. лит., 1983. 160 с.
26. Михеева Л.Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2015. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785835411139.html>
27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Консультант Плюс. Проф.
28. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Информационное право. М. : Норма ; Инфра-М, 2010. 496 с.
29. Spahr Ch. Internet und Recht. Zürich: VDF. 2002. S. 20 ff. URL: https://books.google.com.tr/books/about/Internet_und_Recht.html
30. Бехмани Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Litres, 2017. 248 с.
31. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
32. Tretter F. Homo Informaticus: Image of Man in Information Society // Future Information Society: Social and Technological Problems / ed. by M. Burgin, W. Hofkirchner. Singapore : World Scientific Publishing, 2017. P. 475–506.
33. Симонян Р.Х. Кризис либерально-рыночной модели глобализации // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 16–25.
34. Ситдикова Л.Б. Информизация как нематериальное благо // Юрист. 2007. № 8. С. 62–64.
35. Iosifidis P., Wheeler M. Public Spheres and Mediated Social Networks in the Western Context and Beyond. London : Springer, 2016. P. 195.
36. Постановление Европейского суда по делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» от 18 декабря 2012 г., жалоба № 3111/10. URL: <http://www.consultant.ru/>
37. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права : в 2 т. М. : Изд. братьев Башмаковых, 1911. Т. 2. 698 с.
38. Малахов С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 21 с.
39. Кудашкин Я.В., Танимов О.В. О правовой природе и возможности правового регулирования отношений в сети Интернет // Информационное право. М. : Юрист, 2012. № 2 (29). С. 17–21.
40. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.
41. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.
42. Гаврилов Е.В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. 2018. № 10. С. 11–14.
43. Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан : пособие для слушателей народных университетов. М. : Знание, 1991. 127 с.

44. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
45. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 36–68.
46. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
47. Савельев А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С. 481–542.
48. Постановление Европейского суда по делу Ламбер и другие (Lambert and Others) против Франции (жалоба № 46043/14). URL: <http://www.consultant.ru/>
49. Гаврилов Е.В. Защита деловой репутации от диффамации на Интернет-форумах // Право в сфере Интернета : сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С. 457–476.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 марта 2019 г.

Private Law Regulation of Personal Rights of Citizens: Theoretical Foundations and Problems of Implementation in the Era of Informatization

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 231–243.

DOI: 10.17223/15617793/440/31

Andrei E. Sherstobitov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sher1007@yandex.ru

Alim K. Ulbashev, French University College of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alim-ulbashev@mail.ru

Keywords: personal rights; intangible goods; privacy; realization and protection of personal rights.

The article is devoted to the analysis of the fundamental problems of the doctrine of personal rights. Currently, personal rights are a complex legal institution that includes norms of various branches of law. Considering that Russian civil law is a supporting branch of private law, the regulation of personal rights by the norms of civil law is directly connected with the protection of the private (personal) life of individuals. The importance of the issue of personal rights is increasingly explained by the need to identify the specifics of the legal protection of intangible benefits on the Internet. This specificity well explains the fair growth of interest of legal doctrine in the various aspects of the functioning of the Internet (primarily, from the civil law perspective). In this article, the existing legislative and doctrinal approaches to the understanding of the civil law protection of intangible benefits of citizens are critically analyzed; the fundamental issues of the theory of personal rights as a complex legal institution are revealed. First of all, the article proves and substantiates the inclusion of personal non-property relations in the subject of civil law; further, the specificity of the legal regime of intangible benefits is studied and, taking into account their non-negotiability, it is concluded that within the limits of the law, personal rights are negotiable, including the possibility of their use by other persons, but only with the consent of their holders. The focus of the study is a specific object of civil rights – information. Informatization as the main trend of current social development requires a qualitative revision of most legal institutions and norms. The analysis of the existing legislative proposals and bills on restriction of personal freedom on the Internet leads to a conclusion about the unsatisfactory condition of these initiatives, their incompatibility with basic human rights and the standards of realization of personal rights. At the same time, the article emphasizes that some phenomena of modern society are new only in form, whereas actually they are just variations of the already known social processes, events, and forms. For example, reposts on the Internet that cause problems of legal qualification in practice are a special case of quoting. This allows to conclude that the classical civil (private) law rules on quoting and pseudonyms, respectively, are applicable to these phenomena. On the basis of examples, the article criticizes the current approach of groundlessly making “new rules”. The result of such an inflation of legislation is an inevitable inconsistency, randomness, and redundancy of the legal norms. In conclusion, the article emphasizes that further improvement of civil law regulation of personal rights should be evolutionary in nature; it should preserve continuity and serve its main goal – to fully protect intangible benefits of citizens.

REFERENCES

1. UN. (2002) Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka [Universal Declaration of Human Rights]. In: *Prava cheloveka: sb. mezhdunar. dogovorov* [Human Rights: International treaties]. Vol. 1. New York; Geneva: UN.
2. UN. (2002) Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh [International Covenant on Civil and Political Rights]. In: *Prava cheloveka: sb. mezhdunar. dogovorov* [Human Rights: International treaties]. Vol. 1. New York; Geneva: UN.
3. Russian Federation. (2001) Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod. Zaklyuchena v g. Rime 4 noyabrya 1950 g. (s izm. ot 13 maya 2004 g.) [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms] (concluded in Rome on 04.11.1950) amended on 13 May 2004]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the laws of the Russian Federation]. 2. Art. 163.
4. Pokrovskiy, I.A. (2003) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. 4th ed. Moscow: Statut.
5. Vol'fson, S.Ya. (1926) *Dialekticheskiy materializm: kurs lektsiy, chitamykh na fakul'tete obshchestvennykh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Dialectical materialism: a course of lectures delivered at the Faculty of Social Sciences of the Belarussian State University]. 6th ed. Minsk: Gos. izd-vo Belorussii.
6. Ioffe, O.S. (1966) Lichnye neimushchestvennye prava i ikh mesto v sisteme sovetskogo grazhdanskogo prava [Personal non-property rights and their place in the system of Soviet civil law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 51–59.
7. Mozolin, V.P. (ed.) (1986) *Razvitie sovetskogo grazhdanskogo prava na sovremennom etape* [The development of Soviet civil law at the present stage]. Moscow: Nauka, 269 s.
8. Karpovich, V.D. (ed.) (1995) *Kommentariy chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii dlya predprinimateley* [Commentary to Part One of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs]. Moscow: Fond “Pravovaya kul'tura”.
9. Sadikov, O.N. (ed.) (2005) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti pervoy: Postateynny* [Commentary to Part One of the Civil Code of the Russian Federation: By Articles]. 3rd ed. Moscow: Kontrakt; Infra-M.
10. Sergeev, A.P. & Tolstoy, Yu.K. (eds) (2002) *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. In 3 vols. Vol. 1. 6th ed. Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt.
11. Dozortsev, V.A. (1994) [Trends in the development of Russian civil law in the transition to a market economy]. *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Civil Law of the Russian Federation: state, problems and prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow: *Institute of Legislation and Comparative Law*. pp. 17–24. (In Russian).

12. Krasavchikova, L.O. (1994) *Ponyatie i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii* [The concept and system of personal, non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
13. Maleina, M.N. (2000) *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita* [Personal non-property rights of citizens: the concept, implementation, protection]. Moscow: MZ PRESS.
14. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [The general theory of law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
15. Mezrin, B.N. (1977) *Sostav mekhanizma okhrany prav grazhdan* [The composition of the mechanism for the protection of the rights of citizens]. In: Krasavchik, O.A. (ed.) *Grazhdansko-pravovaya okhrana interesov lichnosti v SSSR* [Civil-law protection of the interests of the individual in the USSR]. Is. 53. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
16. Oygenzikht, V.A. (1989) *Formy obespecheniya interesov sub"ektov grazhdanskikh pravootnosheniy* [Forms of ensuring the interests of subjects of legal relationc]. In: Chepiga, D. et al. (eds) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh i trudovykh prav* [Realization and protection of civil and labor rights]. Krasnodar: Kuban State University
17. Illarionova, T.I. (1982) *Sistema grazhdansko-pravovykh okhranitel'nykh mer* [The system of civil law enforcement measures]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Fleyshits, E.A. (2015) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t.* [Selected Works on Civil Law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Statut.
19. Yaroshenko, K.B. (1990) *Zhizn' i zdorov'e pod okhranoy zakona. Grazhdansko-pravovaya zashchita lichnykh neimushchestvennykh prav grazhdan* [Life and health under the protection of the law. Civil legal protection of personal non-property rights of citizens]. Moscow: Yurid. lit.
20. Sukhanov, E.A. (2014) *Sravnitel'noe korporativnoe pravo* [Comparative Corporate Law]. Moscow: Statut.
21. Agarkov, M.M. (2012) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t.* [Selected Works on Civil Law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Statut. pp. 269–312.
22. Egorov, N.D. (1988) *Lichnye neimushchestvennye prava i ikh zashchita* [Personal non-property rights and their protection]. In: Butnev, V.V. (ed.) *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o zashchite sub"ektivnykh grazhdanskikh prav* [Problems of improving legislation on the protection of subjective civil rights]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
23. Dozortsev, V.A. (2003) *Tvorcheskiy rezul'tat: sistema pravoobladateley* [Creative result: the system of owners]. In: Dozortsev, V.A. (ed.) *Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii* [Intellectual property rights: Concept. System. Tasks of codification]. Moscow: Statut.
24. Vedomosti SND i VS RF. (1992) *Zakon RF ot 27 dekabrya 1991 g. № 2124-I "O sredstvakh massovoy informatsii"* [RF Law dated December 27, 1991, No. 2124-I "On Mass Media"]. *Vedomosti SND i VS RF*. 7. Art. 300.
25. Krasavchikova, L.O. (1983) *Lichnaya zhizn' grazhdan pod okhranoy zakona* [The private life of citizens under the protection of the law]. Moscow: Yurid. lit.
26. Mikheeva, L.Yu. (2015) *Modernizatsiya instituta nematerial'nykh blag: dostizheniya i perspektivy* [Modernization of the institute of intangible goods: achievements and prospects]. In: Krashennikov, P.V. (ed.) *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava* [Codification of Russian private law]. Moscow: Statut, [Online] Available from: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785835411139.html>.
27. Konsul'tant Plyus. (2007) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.12.1994 No. 10 (as amended on 06.02.2007) "Some issues of the application of legislation on compensation for moral injury"*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (In Russian).
28. Popov, L.L., Migachev, Yu.I. & Tikhomirov, S.V. (2010) *Informatsionnoe pravo* [Information law]. Moscow: Norma; Infra-M.
29. Spahr, Ch. (2002) *Internet und Recht*. Zürich: VDF. [Online] Available from: https://books.google.com.tr/books/about/Internet_und_Recht.html
30. Bekhmann, G. (2017) *Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern society: a risk society, an information society, a knowledge society]. Moscow: Litres.
31. Russian Federation. (2017) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 № 1632-r "Ob utverzhdenii programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii"* [Order of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 No. 1632-p "On approval of the program 'Digital economy of the Russian Federation'"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32. Art. 5138.
32. Tretter, F. (2017) *Homo Informaticus: Image of Man in Information Society*. In: Burgin, M. & Hofkirchner, W. (eds) *Future Information Society: Social and Technological Problems*. Singapore: World Scientific Publishing.
33. Simonyan, R.Kh. (2018) *Crisis of Liberal-Market Model of Globalization. Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 8. pp. 16–25. (In Russian). DOI: 10.31857/S004287440000736-4
34. Sitdikova, L.B. (2007) *Informatsiya kak nematerial'noe blago* [Information as an intangible benefit]. *Yurist*. 8. pp. 62–64
35. Iosifidis, P. & Wheeler, M. (2016) *Public Spheres and Mediated Social Networks in the Western Context and Beyond*. London: Springer.
36. Konsul'tant Plyus. (2012) *ECHR judgment in the case of Ahmet Yildirim v. Turkey, dated December 18, 2012, Application No. 3111/10*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
37. Shershenevich, G.F. (1911) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [The general theory of law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Izd. brat'ev Bashmakovykh.
38. Malakhov, S.V. (2001) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnosheniy v global'noy komp'yuternoy seti Internet* [Civil law regulation of relations in the global computer network Internet]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
39. Kudashkin, Ya.V. & Tanimov, O.V. (2012) *O pravovoy prirode i vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya otnosheniy v seti Internet* [On the legal nature and the possibility of legal regulation of relations in the Internet]. *Informatsionnoe pravo*. pp. 17–21.
40. Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 18-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punktov 1, 5 i 6 stat'i 152 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina E.V. Krylova"* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 18-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Paragraphs 1, 5 and 6 of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.V. Krylov"]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 6.
41. Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Obzor praktiki rassmotreniya sudami del po sporam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 16.03.2016)* [Review of the practice of courts hearing cases on defamation of honor, dignity and business reputation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 16, 2016)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 10.
42. Gavrilov, E.V. (2018) *O nekotorykh osobennostyakh sudebnoy zashchity chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii posredstvom udaleniya porochashchey informatsii iz seti Internet* [On some features of judicial protection of honor, dignity and business reputation through the removal of defamatory information from the Internet]. *Sud'ya*. 10. pp. 11–14.
43. Maleina, M.N. (1991) *Zashchita lichnykh neimushchestvennykh prav sovetsskikh grazhdan: posobie dlya slushateley narodnykh universitetov* [Protection of the personal non-property rights of Soviet citizens: a guide for students of public universities]. Moscow: Znanie.
44. Russian Federation. (2006) *Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i zashchite informatsii"* [Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Protection of Information"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31 (Pt. 1). Art. 3448.
45. Arkhipov, V.V. (2018) *Problema kvalifikatsii personal'nykh dannykh kak nematerial'nykh blag v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki, ili Net nichego bolee praktichnogo, chem khoroshaya teoriya* [The problem of qualifying personal data as intangible goods in the digital economy, or there is nothing more practical than a good theory]. *Zakon*. 2. pp. 36–68.

46. Russian Federation. (2006) Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ "O personal'nykh dannykh" [Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data"]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 31 (Pt. 1). Art. 3451.
47. Savel'ev, A.I. (2016) Napravleniya evolyutsii svobody dogovora pod vliyaniem sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy [Directions of the evolution of freedom of contract under the influence of modern information technologies]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Svoboda dogovora* [Freedom of contract]. Moscow: Statut.
48. Konsul'tant Plyus. (2015) *ECHR judgment in the case of Lambert and Others v. France (Application No. 46043/14)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
49. Gavrilov, E.V. (2016) Zashchita delovoy reputatsii ot diffamatsii na Internet-forumakh [Protection of business reputation from defamation on Internet forums]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Pravo v sfere Interneta* [Law in the field of the Internet]. Moscow: Statut, pp. 457–476.

Received: 04 March 2019